

Цяо Юаньлинь тут же поспешил за ним. Он и боялся, что Лян Чэн все-таки уйдет, и опасался разозлить его лишними расспросами, поэтому всю дорогу то открывал, то закрывал рот, мучаясь от нерешительности.

Выйдя из здания вокзала, Цяо Юаньлинь с облегчением вздохнул. Лян Чэн проигнорировал выстроившиеся в очередь такси и без раздумий сел в первый попавшийся двухэтажный автобус.

Стояло жаркое лето, на открытом втором ярусе пассажиров почти не было. Лян Чэн выбрал место у самого края.

Цяо Юаньлинь сел рядом. Сиденье раскалилось на солнце, поэтому он старался не прислоняться спиной к спинке кресла. Под палящими лучами дышать было тяжело. Он украдкой глянул на Лян Чэна, почувствовав укол совести, но посмотрев еще раз, невольно обрадовался.

Лян Чэн смотрел в окно, неподвижный, словно статуя, которой нипочем ни зной, ни холод. Когда даже рев двигателя перестал заглушать тяжелое, прерывистое дыхание Цяо Юаньлиня, Лян Чэн протянул ему свой рюкзак.

Цяо Юаньлинь тут же вцепился в него и услужливо произнес:

— Давай я подержу.

Лян Чэн сказал:

— Внутри есть вода.

Цяо Юаньлинь достал бутылку минеральной воды, сделал несколько глотков, и ему сразу полегчало. Вместо «спасибо» он тихо произнес:

— Извини меня.

Лян Чэн ничего не ответил.

Тогда Цяо Юаньлинь серьезно повторил:

— Извини за то, что произошло раньше.

Лян Чэну не хотелось слушать это в третий раз, и он спросил:

— Ты так отчаянно не пускал меня только ради того, чтобы извиниться?

— Не только, — ответил Цяо Юаньлинь. — Брат Ин рассказал мне обо всем, что случилось в Линхае. Мне было так стыдно эти дни. Почему ты тогда ничего не объяснил?

Лян Чэн парировал:

— А кто ты мне такой, чтобы я перед тобой оправдывался?

— Но если бы ты рассказал, я бы все не так понял и не стал бы тебя выгонять, — возразил Цяо Юаньлинь.

Все равно рано или поздно пришлось бы уехать, так что разница невелика, ушел бы он сам или

его выставили. Лян Чэн обронил:

— Какая разница. Никто не снимает жилье на всю жизнь.

Цяо Юаньлинь на мгновение лишился дара речи. Он смахнул катившийся градом пот и вдруг спросил:

— А ты... жалеешь, что спас меня?

На этот раз Лян Чэн отреагировал: он оторвал взгляд от проплывавшего за окном пейзажа и повернулся к нему.

— Я уже знаю, — продолжил Цяо Юаньлинь. — Три года назад это ты спас меня.

Лян Чэн снова отвернулся и признал:

— А ты заметно вытянулся.

— Ты узнал меня? — взволнованно спросил Цяо Юаньлинь.

В первую ночь, когда Цяо Юаньлинь переехал к ним, Лян Чэн поправлял ему одеяло у изголовья. В слабом свете настольной лампы лицо юноши показалось ему смутно знакомым, а когда тот нахмурился, в памяти мгновенно всплыл образ испуганного, измученного ребенка из тех событий трехлетней давности.

Лян Чэн узнал его с первой же встречи.

Цяо Юаньлинь это буквально поразило:

— Ты сразу меня узнал? Почему же ты ничего не сказал?

За все эти три года — с момента спасения и до сегодняшнего дня — Лян Чэн никогда не ждал благодарности. Он спросил в ответ:

— Разве это важно?

— Важно! Я все время искал тебя, — горячо заговорил Цяо Юаньлинь. — Я помнил только, что ты был в форме Седьмой школы. Выписавшись из больницы, я ходил туда бесчисленное количество раз. Учеба у вас заканчивалась в половине одиннадцатого вечера. У ворот стоит каменная плита с девизом школы, дежурного на проходной зовут дядя Чжао, каждую субботу у вас тесты, а после них мальчишки до самых сумерек играют в баскетбол.

Лян Чэн думал, что давно забыл те далекие дни, но сейчас они с удивительной ясностью предстали перед глазами.

Цяо Юаньлинь перечислил все это и уныло добавил:

— Но я никак не мог тебя найти. Куда ты тогда пропал?

Лян Чэн проигнорировал вопрос и лишь произнес:

— Но сейчас-то нашел.

— Да, — кивнул Цяо Юаньлинь. — Поэтому я хочу, чтобы ты остался.

— И чего же ты хочешь? — спросил Лян Чэн.

Цяо Юаньлинь крепко сжал его ладонь, словно собирался принести клятву верности на всю жизнь, и с глубоким чувством произнес:

— Я отплачу тебе добром за все, мой спаситель.

Они вернулись в переулок Ваньпин.

Прикарманив рюкзак Лян Чэна, Цяо Юаньлинь пересаживался с автобуса на такси, а едва сойдя на остановке у входа в переулок, от усталости привалился к фонарному столбу.

Лян Чэн шел рядом, засунув одну руку в карман брюк, а во второй держа пустую пластиковую бутылку. Всю дорогу Цяо Юаньлинь упрямо тащил рюкзак, задыхаясь от усталости, и Лян Чэну то и дело приходилось поить его водой.

Выбросив бутылку в мусорный бак, Лян Чэн спросил:

— Теперь отдашь рюкзак?

— Только когда зайдем в дом, — Цяо Юаньлинь поправил лямку на плече. — Я несу его, чтобы ты хоть немного передохнул.

Лян Чэн поднял глаза на их так называемый «дом». Небольшое здание по-прежнему выглядело серым и невзрачным, яркой выделялась разве что вывеска, а окно его бывшей спальни на втором этаже выходило прямо на улицу.

Ателье ципао работало. Цяо Юаньлинь толкнул дверь и громко позвал:

— Бабушка, посмотри, кто вернулся!

Ван Жуйчжи как раз меняла на манекене ципао. Сняв очки для чтения, она изумленно воскликнула:

— Сяо Лян?!

— Бабушка, Лян Чэн возвращается к нам, — объявил Цяо Юаньлинь.

— Хорошо, хорошо, — растерянно согласилась Ван Жуйчжи, не понимая, что происходит. — А что случилось? Ты разве не собирался сегодня уезжать в другой город?

— Планы изменились, я позже все объясню, — пообещал Цяо Юаньлинь.

Ван Жуйчжи отошла от манекена и радостно улыбнулась:

— Ну ладно, вернулся — и славно. Переобувайтесь пока.

В тот день, когда Лян Чэн и Цяо Юаньлинь поссорились, молочные танъюань так никто и не попробовал, поэтому Ван Жуйчжи решила приготовить их снова.

Цяо Юаньлинь нетерпеливо шмыгнул в кухню и тут же выложил Ван Жуйчжи, что именно Лян Чэн спас его три года назад. Его рассказ о том, что произошло на вокзале, заставил пожилую женщину то и дело охать от изумления.

Лян Чэн стоял в прихожей. На стене висели две связки ключей, и к кольцу каждой из них был прикреплен китайский узелок-оберег, сплетенный из тонкого шнура для пуговиц ципао.

Это была домашняя работа Цяо Юаньлиня по прикладному искусству с прошлой недели. К его собственным ключам крепился светло-желтый узелок, символизирующий безопасность в пути, а для связки, которой пользовался Лян Чэн, он сплел такой же, но нежно-голубой.

Из кухни потянулся аппетитный аромат. Цяо Юаньлинь давал наставления:

— Бабушка, налей побольше молока и поменьше воды.

— Тоже мне, учитель нашелся! — фыркнула Ван Жуйчжи.

— А грецкие орехи есть? — спросил Цяо Юаньлинь. — Добавь немного, они полезны для мозга.

— Ну еще чего придумал, — проворчала Ван Жуйчжи. — Боюсь, от такого ума ты совсем с катушек съедешь.

Лян Чэн молча слушал их голоса. По дороге он без труда мог бы отобрать рюкзак, бросить Цяо Юаньлиня и уйти, но в итоге, сделав круг, все равно вернулся сюда.

И дело было не только в обещании Чэн Лие. Ему пришлось признать: здесь он ощущал то забытое тепло домашнего очага, которого так долго был лишен.

Нежные и мягкие молочные танъюань так и таяли во рту. Расправившись со своей порцией быстрее всех, Лян Чэн поднялся вверх, чтобы отнести вещи. Кровать и шкаф в комнате пустовали, и лишь письменный стол был завален учебниками.

Под столом появилась корзина для мусора, в которой виднелись пустые пакеты из-под чипсов. Он подошел к окну. На горшке с кактусом была наклеена табличка, где отмечались дни полива.

Раздался стук, и в комнату вошел Цяо Юаньлинь. Он принялся наводить порядок на столе, но едва успел аккуратно сложить разбросанные контрольные работы, как Лян Чэн остановил его:

— Не убирай.

— Мне можно делать здесь уроки?

— Да.

Цяо Юаньлинь заметно обрадовался:

— Старый компьютер постоянно зависает, так что пользуйся моим ноутбуком.

— Почему ты так и не переехал в другую комнату? — спросил Лян Чэн.

Цяо Юаньлинь не нашелся с ответом. Он подошел ближе к окну, и солнечный свет окрасил его ресницы в светло-каштановый цвет. Юноша шутливо протянул:

— Вдруг ты снова начнешь душить меня на кровати? Я побоялся, что мне будут сниться кошмары.

— И правильно сделал, — усмехнулся Лян Чэн и в тон ему спросил: — Так что хуже — когда

душат или когда приходится бегать?

Цяо Юаньлинь призадумался, сравнивая ощущения:

— Пожалуй, все-таки бег. Я правда впервые в жизни так бежал, так боялся, что ты уйдешь... В итоге чуть концы не отдал.

Уголки губ Лян Чэна дрогнули в улыбке. Заметив это, Цяо Юаньлинь достал из кармана бархатную коробочку — ту самую, которую хранил в ящике стола и никому не позволял трогать.

Он протянул коробочку Лян Чэну и открыл ее. Внутри лежала простая белая пуговица.

Лян Чэн и не подозревал, что тогда, три года назад, когда он раз за разом делал Цяо Юаньлиню непрямой массаж сердца, мальчик тоже отчаянно цеплялся за него, словно за последнюю соломинку.

Эта пуговица оторвалась от рубашки его школьной формы. Цяо Юаньлинь сжимал ее в ладони до тех пор, пока не пришел в себя в больнице, и берег все эти три года.

Когда Цяо Юаньлинь снимал с себя одежду, чтобы перевязать рану Лян Чэна, и впал в ступор, не зная, что ответить на вопрос «Я же плохой человек, зачем ты мне помогаешь?», он думал именно о нем.

Обычное хладнокровие Лян Чэна слегка пошатнулось:

— Хочешь вернуть ее мне?

— Вообще-то я планировал вернуть ее тебе, — признался Цяо Юаньлинь. — Но раз ты говоришь, что никто не снимает жилье навсегда, я бы хотел оставить ее себе на память. Можно?

Лян Чэн закрыл коробочку и ответил:

— Как хочешь.

Цяо Юаньлинь облизнул сухие губы. Его ресницы дрогнули, словно крылья бабочки.

— Спасибо, брат Лян Чэн, — негромко произнес он.

— Как ты меня назвал?

— Ты ведь старше меня на четыре года, так что называть тебя братом вполне естественно... В прошлый раз я повел себя глупо и опрометчиво, прости. Живи спокойно, я обязательно буду хорошо к тебе относиться.

Лян Чэн не сдержал смешка:

— Тебе не кажется, что твое отношение переменялось как-то слишком резко?

— Это называется признать свои ошибки и исправиться, — серьезно ответил Цяо Юаньлинь. — Ты спас мне жизнь, и я просто обязан отплатить тебе за доброту.

Они простояли у окна под палящим солнцем минут десять, спина Лян Чэна уже взмокла от

пота, и ему хотелось принять душ. Вдруг он кое-что вспомнил и добавил:

— Тогда можешь начать прямо сейчас.

<http://bllate.org/book/18284/1753034>